

Проблемы устного народного творчества и этнографии чувашского народа в произведениях Н.И. Ашмарина

<...> Важнейшим условием культурного подъема и роста творческой инициативы народа является овладение завоеваниями культуры, созданной всем развитием человечества. <...>

Характерной чертой русского народа, столь ярко проявившейся в его культуре, в его освободительной, революционной борьбе, является глубокое уважение к прогрессивным традициям других народов.

Русские писатели и другие деятели культуры и общественной мысли высоко ценили героические традиции народов нашей страны, правдиво изображали национальные особенности других народов.

Передовые представители русской культуры и общественной мысли А.Н. Радищев, А.С. Пушкин, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, А.М. Горький и другие с глубоким уважением относились к чувашскому народу, как и к другим угнетенным и бесправным народам России, оставили теплые и сочувственные отзывы о чувашском народе.

К какому бы видному русскому писателю или общественному деятелю-демократу не обратиться – все они свидетельствуют своим творчеством, своею жизнью, своим поведением о стремлении русского народа жить в дружбе с другими народами, о том, что русскому народу чужды национализм и шовинизм. Любовь к своему народу сочеталась у передовых русских людей с глубоким уважением к другим народам. Характернейшая черта русского патриотизма – его высокая гуманность, человечность, непримиримость ко всякому гнету.

<...> Передовая русская наука еще до Великой Октябрьской социалистической революции сделала немало для всестороннего изучения Чувашии. Русские исследователи положили начало изучению чувашской этнографии и устнопоэтического народного творчества. Деятельность десятков виднейших ученых и исследователей была тесно связана с нашим краем. Изучая сложную культуру великого русского народа, они не могли пройти мимо разноплеменного населения Поволжья вообще, и чуваш в частности. Начиная с середины XVIII века целый ряд русских исследователей (Г.Ф. Миллер, Гмелин, И.И. Лепехин, П.С. Паллас, П.И. Рычков, И.Г. Георги, В.А. Сбоев, М. Лаптев, А.Ф. Риттих, В.К. Магницкий и др.) изучали историю, язык и быт народов Поволжья. Они затратили много труда для их первоначального изучения и оставили ряд научных исследований, которыми мы продолжаем пользоваться до нашего времени.

К числу таких достойнейших сынов русского народа относится и Николай Иванович Ашмарин – член-корреспондент Академии Наук СССР, основоположник чувашского научного языкознания. Н.И. Ашмарин – один из лучших представителей великого русского народа, который всю свою жизнь и

талант отдал великому делу служения науке, просвещения чувашского народа. Своей разносторонней и плодотворной научно-педагогической деятельностью Н.И. Ашмарин принес громадную пользу чувашскому народу и способствовал повышению интереса к изучению культуры, быта и языка чуваш. За 40 лет своей научной деятельности он создал целый ряд ценных трудов, посвященных изучению чувашского языка. Н.И. Ашмарин по праву занимает значительное место в истории науки и культуры чувашского народа. Н.И. Ашмарин, как ученый, был прежде всего языковед, но в то же время его перу принадлежат труды и по другим отраслям науки, в частности по этнографии и устнопоэтическому творчеству чувашского народа, не потерявшие своего значения и по настоящий день.

Однако в литературе о Н.И. Ашмарине до последнего времени не было исследований, посвященных его этнографическим взглядам. В имеющихся работах о нем рассматривается широкий круг вопросов его воззрений на чувашское языкознание. Но вопросы этнографии и устного народного творчества (например, вопрос о понимании Н.И. Ашмариным задач этнографической науки, вопрос о его взглядах на устнопоэтическое народное творчество, его деятельность по собиранию и публикации произведений чувашского фольклора), очень важные по своему значению, освещались неполно. Без изучения взглядов Н.И. Ашмарина на устнопоэтическое народное творчество и этнографии чуваш не может быть полностью раскрыт процесс развития дореволюционной этнографической литературы о чувашах.

В настоящем кратком обзоре мы не ставим своей задачей дать характеристику всех работ Н.И. Ашмарина этнографического содержания, а ограничимся лишь рассмотрением тех из них, которые относятся непосредственно к нашей теме и затрагивают в той или иной степени проблемы устного народного творчества и этнографии только чувашского народа.

Н.И. Ашмарин не был этнографом и фольклористом в настоящем смысле слова, но было бы неправильно умалять его работы в области собирания и изучения материалов по этнографии и устнопоэтическому творчеству чувашского народа. Несмотря на то, что вопросами этнографии Н.И. Ашмарин занимался попутно, собранные им материалы имеют большую ценность для изучения истории культуры и быта чувашского народа. Исследования Н.И. Ашмарина, посвященные вопросам этнографии и устнопоэтического творчества чувашского народа, являлись важной составной частью его научных работ. На протяжении всей своей научно-педагогической деятельности Н.И. Ашмарин проявлял неослабевающий интерес к изучению этнографии чуваш.

Отдав свою жизнь делу служения чувашскому народу, борьбе за поднятие его культуры, он видел, что все стороны его жизни нуждаются в изучении. Необходимо было изучать и осознать чувашский язык, создавать о нем литературу, собирать материалы по историческому прошлому чуваш, а также знакомиться с бытовыми особенностями, анализировать их, выделять ценное, что создавал народ, от ненужного и нередко вредного.

Развитие историко-этнографических взглядов Н.И. Ашмарина протекало в органической связи с русской действительностью. 1890-е годы, в течение

которых развернулась научная деятельность Н.И. Ашмарина, ознаменовались в социально-экономической и политической жизни России быстрым ростом буржуазных отношений, назреванием политического кризиса накануне первой буржуазно-демократической революции в России. Общее оживление темпа исторического развития, ускорение пульса общественной жизни не могли не сказаться и на этнографической науке.

Этот период в истории этнографической науки ознаменовался целым рядом новых явлений. Во-первых, именно в этот период сильно возрос интерес к этнографическому изучению народов. Лучшие представители страны прилагали большие усилия к познанию народа, в первую очередь русского, но не забывались также и нерусские народности, населяющие многонациональное государство. Возник большой интерес к народному быту, к самобытной культуре, что выражалось в активном росте этнографических исследований. Прогрессивные представители русской научной мысли смотрели на этнографию и фольклор, как на средство познать народ, его быт и его нужды, а в познании видели условия для переделки народного быта, устранения всех его темных сторон. В этих взглядах находили непосредственное выражение интересы самих угнетенных народных масс.

Во-вторых, постепенно меняется метод этнографических исследований. На смену прежним экспедициям, специальным научным путешествиям в неисследованные области постепенно приходит метод систематического, углубленного изучения народа, его быта и культуры – стационарный, или краеведческий метод. Этот переход от экспедиционного к стационарному приему собирания материалов был отнюдь не случаен. В России появилось много новых общественных сил не только в столицах, но и в провинции. Новые потребности общественной силы вызывали усиление деятельности местных научных сил, в большей части при провинциальных университетах – Казанском, Новороссийском и др., местных отделов Русского Географического Общества. В изданиях этих обществ печаталось множество корреспонденций с мест, статей по текущим местным и общим вопросам. В числе этих статей и корреспонденций было немало и таких, которые представляют большой этнографический интерес: о положении местного населения, его экономике, быте, обычаях и пр.

В этот период усиливался интерес к изучению этнографии и устнопоэтического народного творчества чуваш. Проводились записи образцов устнопоэтического творчества, учащались случаи появления в печати статей, очерков и оригинальных исследований по многим вопросам истории и этнографии чувашского народа.

Следует указать, что дореволюционная этнографическая литература не всегда правильно изображала быт и жизнь чувашского народа, ибо многие исследователи того времени подходили к народам Поволжья, в том числе и к чувашам, как к народам «неисторическим», неспособным к историческому развитию и творчеству, а потому изучали их как объекты истории, как определенные и неизменные этнические величины. Даже в наиболее ценных исследованиях того времени чаще всего давалась лишь добросовестная

регистрация этнографических элементов без учета их развития, без какого-либо исторического анализа и научной критики.

Большинство этнографов второй половины XIX и начала XX вв. чувашскую деревню представляли в виде простых элементарных человеческих отношений, без политических и классовых конфликтов. Этнографическая наука занималась преимущественно «духовной культурой» чуваш, отрывая ее от той материальной основы, на которой она выросла. В результате чего оставалась почти не изученной материальная культура чуваш, а происхождение их духовной культуры оставалось ничем не мотивированным, его сущность подвергалась извращенному толкованию. Почти совсем не обращалось внимания на общественную жизнь, на социально-экономическую структуру общества, на выявление тех закономерностей, которыми обусловлено их развитие. При попытках же обобщить собранный материал буржуазные этнографы пользовались порочным формально-сравнительным методом, сводя все к механическому заимствованию у других народов, полностью отрицая тем самым элемент самобытности чувашской культуры.

Такова была обстановка, когда выступил Н.И. Ашмарин со своими этнографическими, историческими и лингвистическими трудами.

Н.И. Ашмарин с ранних детских лет интересовался чувашами, быстро овладел их языком и свободно говорил по-чувашски. «Причиной этому были встречи с чувашами, приезжавшими и приходившими в Курмыш из Засурья и столь резко выделявшимися всем своим обликом на общем фоне русского населения, среди которого я жил», *¹ – указывал об этом сам Н.И. Ашмарин. Молодой Ашмарин еще в годы учебы в Нижегородской (Горьковской) классической гимназии начал критически осваивать имеющуюся у него литературу о чувашах и их языке. Недостаток пособий и руководства по чувашскому языку сильно мешал Н.И. Ашмарину в его занятиях. Лишь впоследствии он узнал о том, что сравнительно новая область тюркологии уже насчитывает на своем поприще несколько небезызвестных имен, и лишь знакомясь с их произведениями, он мог уяснить себе многое в области чувашского языка, что до тех пор рисовалось ему лишь в очень туманных и неопределенных чертах. В гимназические годы он изучал грамматику В.П. Вишневого, *² известный словарь Н.И. Золотницкого, *³ фонетику чувашского языка А.И. Добролюбова *⁴ и ряд других изданий на чувашском языке.

Особенно сильно обрадовал Н.И. Ашмарина словарь Н.И. Золотницкого, так как он давал довольно большое количество чувашских слов. «Помню, что в

---

¹ * Рукописный фонд Чувашского научно-исследовательского института (далее сокращ. Р. Ф. ЧНИИ). Инв. № 48, Переписка с проф. Н.И. Ашмариным, л. 1.

² * В. П. Вишневский. Начертание правил чувашского языка, Казань. 1836.

³ * Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями тюркского, финского и других племен, Казань, 1875.

⁴ * А. И. Добролюбов. Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей, Казань, 1879.

первое время отдельные очерки по чувашской этнографии, составляющие приложение к словарю, показались мне верхом учености. Здесь я встречал сравнения чувашских слов со словами многих других языков и ссылки на различные ученые сочинения», *⁵ – вспоминал впоследствии Н.И. Ашмарин. Правда, его радость быстро сменилась разочарованием, когда он обнаружил, что Н.И. Золотницкий не обладал основательным знанием чувашского и восточного языков, и что многие из его ссылок и сравнений не выдерживают даже поверхностной критики. Тем не менее сочинения Н.И. Золотницкого принесли Н.И. Ашмарину некоторую пользу, отчасти познакомили его с существующей литературой на восточных языках и заставили обратить внимание на казанских татар, значение которых для изучения истории чуваш и их языка он мог оценить лишь впоследствии, а также на марийский, мордовский и удмуртский языки, имеющие немало точек соприкосновения с чувашским языком *⁶.

Здесь же, будучи в гимназии, Н.И. Ашмарин стал изучать самостоятельно восточные языки, а именно: арабский, персидский, турецкий, а также языки казанских и нижегородских татар. Но основное внимание Н.И. Ашмарин уделял изучению чувашского языка. По окончании Нижегородской классической гимназии он поступил в 1891 г. в Московский Лазаревский институт восточных языков. Из предметов, которые он слушал в институте, его больше всего интересовал турецкий язык, как родственный чувашскому, изучению которого он уже тогда решил отдать свои силы.

Интерес к чувашскому языку связывался у него с интересом к этнографии, к народному поэтическому творчеству чуваш. В этом находила свое выражение широта запросов Н.И. Ашмарина, содействовавшая углублению его лингвистических воззрений. Свидетельством преобладающего интереса молодого Н.И. Ашмарина к чувашам является его первая небольшая работа по чувашской этнографии «Очерк народной поэзии у чуваш», написанная еще на первом курсе Лазаревского института и помещенная в журнале «Этнографическое обозрение» (1892 г., кн. 2-3, стр. 42-64).

Материалом для статьи послужили чувашские песни, собранные чувашским этнографом Н.И. Юркиным и переданные Н.И. Ашмарину для рассмотрения Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Язык произведений чувашской народной поэзии, собранных И.Н. Юркиным, привлек внимание Н.И. Ашмарина своей сочностью и образностью. «Чтение этого сборника раскрыло предо мной целый новый мир своеобразной поэзии, столь далекой по своей форме и содержанию от тех образцов народного творчества, которые я знал раньше. Вместе с тем эти же песни показали мне, насколько было недостаточно мое знание чувашского языка, так как оказывалось, что тем

---

⁵* Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 48. Переписка с проф. Н. И. Ашмариным, л. 2.

⁶ *См. об этом подробнее в Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 47, Н. И. Ашмарин. Незаконченные рукописи лл. 2, 3.

материалом, который я находил в печатных изданиях, далеко не исчерпывалось все морфологическое, синтаксическое и лексическое богатство чувашского языка» *⁷, – писал Н.И. Ашмарин в своей автобиографии, выражая свое мнение об этом сборнике.<...>

Денисов, П. В. Проблемы устного народного творчества и этнографии чувашского народа в произведениях Н. И. Ашмарина / П. В. Денисов // Ученые записки / НИИ яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1954. – Вып. 10. – С. 147-182.

---

⁷ * Р. Ф. ЧНИИ. Инв. № 48, Переписка с проф. Н. И. Ашмариным, л. 3.